

Смоленская митрополия Русской Православной Церкви
Смоленский государственный университет
Смоленское отделение Ассоциации преподавателей
русского языка и литературы высшей школы
Российская академия наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

АВРААМИЕВСКАЯ СЕДМИЦА

*Материалы международной научной конференции
«Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске»*

Смоленск, 11–13 сентября 2019

СМОЛЕНСК
«СВИТОК»
2020

УДК 82+94
ББК 72
А 21

*Утвержден Ученым советом
ИРЛИ РАН, протокол № 5 от 19.06.2020*

Редакторы:

*Королькова А.В., доктор филологических наук, профессор
Павлова Л.В., доктор филологических наук, профессор
Романова И.В., доктор филологических наук, профессор
Федотова М.А., кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник (отв. ред.)*

Рецензенты:

*Рождественская М.В. – доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета;
Ранчин А.М. – доктор филологических наук, профессор
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова*

А 21 **Авраамиевская седмица** [Текст]: материалы международной научной конференции «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске», г. Смоленск, 11–13 сентября 2019 г. Вып. IV / Смоленская митрополия Русской Православной Церкви; Смоленский государственный университет; Смоленское отделение Ассоциации преподавателей русского языка и литературы высшей школы; Институт русской литературы (Пушкинский Дом); ред. А.В. Королькова, И.В. Романова, М.А. Федотова (отв. ред). – Смоленск: Свиток, 2020. – 288 с.

ISBN 978-5-07148-62-8

Содержание сборника составили материалы международной научной конференции «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске», прошедшей в 2019 году в рамках проекта «Авраамиевская седмица» и организованной при участии Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук. Книга рассчитана на внимание и интерес специалистов-филологов, краеведов, любителей литературы, истории и культуры.

УДК 82+94
ББК 72

ISBN 978-5-07148-62-8

© Авторы, 2020
© Оформление. ООО «Свиток», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Высокопреосвященнейшего ИСИДОРА,
митрополита Смоленского и Дорогобужского на открытии четвёртой
международной научной конференции «Авраамиевская седмица:
Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске» 6

ПОНЫРКО НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

Отдел древнерусской литературы как центр медиевистических
исследований (история и современность). Вступительное слово. 8

ЖИТИЕ АВРААМИЯ СМОЛЕНСКОГО И СМОЛЕНСКАЯ АГИОГРАФИЯ

ХРИСАНФ (ШАДРОНОВ), ИГУМЕН

Пространство и время в Житии Авраамия Смоленского. 15

КАРБАСОВА ТАТЬЯНА БОРИСОВНА

Житие Авраамия Смоленского в редакции Гурия Тушина 30

ФЕДОТОВА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА

Смоленская агиография в контексте Четых Миней
Димитрия Ростовского. 69

ГАЛАШЕВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

Аркадий Вяземский и Аркадий Новоторжский
(почитание двух святых в одном имени). 97

КУЛЬТУРНОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

ЗАХАРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА,

МАЛЬЦЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИСЛАВОВНА

Композиции с вертикальным развитием в архитектуре
Древней Руси и Сербии в XII–XIII вв. 107

САВЕЛЬЕВА НАТАЛЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА
Крестовоздвиженский Бизюков монастырь в русской истории
и литературной культуре: первый игумен монастыря
иеромонах Гедеон и его книги. 119

ПАВЛОВА ЛАРИСА ВИКТОРОВНА,
РОМАНОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА
Братство Св. преподобного Авраамия,
смоленского чудотворца: цели, пафос и дела. 142

ЮХИМЕНКО ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
Некоторые страницы старообрядческой истории
Смоленской земли 152

ВАЛУЕВ ДЕМЬЯН ВАЛЕРЬЕВИЧ
Из истории Авраамиевского монастыря в XX в. 175

**ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ:
ПОЭТИКА, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ ПИСЬМА**

ЛОБАКОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА
Воинское повествование: актуальные проблемы становления
и эволюции жанровой формы. 184

ШЕРЕМЕТОВ НИКИТА АНДРЕЕВИЧ
Заимствования из Службы преп. Феодору Сикеоту
(22 апреля) в Службу на преставление
преп. Феодосия Печерского (3 мая). 195

ЦЫПКИН ДЕНИС ОЛЕГОВИЧ
К вопросу о начале Нового Времени в истории русского письма:
несколько предварительных наблюдений. 204

НАЛЁТОВА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА
Внеинституционализованные формы духовного просвещения 224

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: РЕКОНСТРУКЦИИ И ПОЛЕМИКА

АЦУО НАКАДЗАВА

Опыт реконструкции княжеской крестоцеловальной грамоты XII в. . . . 230

СОКОЛОВА ЛИДИЯ ВИКТОРОВНА

Спорные вопросы изучения «Слова о полку Игореве»,
или Почему так долго длятся дискуссии. 241

ПАВЛОВА Л.В., РОМАНОВА И.В., ФЕДОТОВА М.А.

Авраамиевские слушания: Чтения по истории и культуре
Древней Руси в Смоленске. 268

Сведения об авторах. 284

Список сокращений. 286

КУЛЬТУРНОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

ЗАХАРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
МАЛЬЦЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИСЛАВОВНА

УДК: 7.033.1; 7.033.2

КОМПОЗИЦИИ С ВЕРТИКАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ В АРХИТЕКТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ И СЕРБИИ В XII–XIII ВВ.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ,
проект № 18-012-00284 А.

Ключевые слова: *древнерусская архитектура, сербская средневековая архитектура, византийская архитектура, искусство Балкан.*

В статье анализируются параллельные процессы в средневековой архитектуре Древней Руси и Сербии. Обе славянские архитектурные традиции имели общий исток в Византии и интерпретировали базовый византийский тип сходным образом. Композиции с вертикальным развитием впервые появились в Древней Руси во второй половине XII в. Церковь Преображения в Евфросиниевом монастыре в Полоцке и церковь Архангела Михаила в Смоленске – среди лучших сохранившихся примеров. В Сербии подобные композиции возникли независимо в XIII в. Авторы рассматривают сходство и различия между двумя славянскими традициями и пытаются объяснить природу этого явления.

В средневековой культуре православных стран встречаются явления, обнаруживающие поразительное сходство, которое может не ограничиваться внешними формами, но затрагивать и саму их сущность. Один из таких ярких случаев в истории архитектуры – храмы с вертикальным развитием композиции, которые появляются во втор. пол. XII в. в Древней Руси [35, с. 110–129; 3, с. 13; 9, с. 338; 7, с. 95; 2] и в нач. XIII в. в Сербии [47]. Среди лучших примеров в древнерусской архитектуре – храм Архангела Михаила в Смоленске [11, с. 175–178]. Такой тип храма был назван исследователями – ступенчато-башнеобразным.

Причины появления башнеобразных композиций в древнерусской архитектуре видели и в западном влиянии, и в традициях деревянного зод-

чества, и в ориентации на некие не сохранившиеся византийские образцы [39]. В сербской архитектуре эту особенность также иногда связывали с западным влиянием [16, с. 203–213].

С другой стороны, на протяжении XX в. неоднократно предпринимались попытки объяснить сходство таких сербских и русских храмов влиянием первой традиции на вторую [29, с. 225–226; 33; 19; 31, с. 57; 6; 26, с. 42; 1, с. 23; 8; 43]. По сути, это было необоснованным перенесением в историю архитектуры из истории литературы представлений о южнославянском влиянии [23, с. 195–196; 24, с. 30–39; 25]. По мере выстраивания более надежной хронологии развития двух архитектурных традиций несостоятельность такой точки зрения стала очевидной [35, с. 72–73]. Однако других объяснений предложено не было.

Мы попытаемся представить свое понимание природы такого параллелизма.

Обе архитектурные традиции берут свое начало от Византии, древнерусская – в кон. X в. [15; 34; 41], сербская – во втор. пол. XII в. [22; 27, с. 113–132; 40; 28]. Необходимо выяснить: что составляло эту византийскую основу и что могло варьироваться? В каком направлении и под воздействием каких факторов шли изменения в этих двух дочерних по отношению к византийской культурах?

В Византии с IX в. основным типом храма был крестово-купольный [32, с. 19–38; 42; 50, р. 271–277; 355–380; 51, р. 194–251; 52, р. 303–378]. Наиболее распространенные его варианты – храм типа вписанного креста (или на четырех отдельно стоящих опорах) и компактный. В первом случае купол и крестообразно расположенные под ним цилиндрические своды опираются на четыре столба или колонны. Во втором случае купол может иметь значительно больший диаметр, своды же южного и северного рукавов креста не получают развития и ограничиваются узкими подпружными арками, а опорами конструкции служат столбы, слитые с углами подкупольного пространства или пристенные лопатки. В обоих случаях с востока располагается алтарная часть, с запада обычно имеется нартекс, и все здание в целом вписывается в близкий к квадрату прямоугольник.

Византийское зодчество в целом и крестово-купольные храмы, в частности, сохраняли некоторые важнейшие античные принципы: строгую упорядоченность и гармоничность соотношений архитектурных форм и пространственных зон, которые выстраиваются в цельную иерархичную композицию вокруг центра, отмеченного куполом. В храмах типа вписанного креста мраморные колонны, обычно бравшиеся из античных сооружений, служили тем модулем, который лежал в основе всех пропорциональных соотношений: их высота определяла высоту сводов и купола. Такие храмы,

наиболее распространенные в Константинополе, близки классическому идеалу гармонии и соразмерности всех частей.

Другая особенность константинопольских храмов – артикуляция фасадов лопатками или полуколоннами, арочными проемами и нишами, которые имеют и конструктивное, и декоративное значение. И сам принцип, и эти формы также восходят к римским традициям [53, р. 569–570].

На Руси первые каменные храмы появляются после принятия христианства и строятся константинопольскими мастерами, которые привозят и идеи, и технологии [18, с. 112–177; 20, с. 177 и далее; 21; 14; 45]. Первые соборы в Киеве, Чернигове, Новгороде и Полоцке имели очень крупный масштаб, для чего греческим мастерам пришлось разрабатывать оригинальные композиционные решения. С самого начала рядом с греками работали русские помощники [35, с. 88–94].

Греческие мастера присутствуют на Руси и во втор. пол. XI в., но в пер. пол. XII в. строят уже в основном русские зодчие. В это время возводятся меньшие по размеру приходские и монастырские храмы, которые полностью соответствуют стандартному византийскому типу одноглавого крестово-купольного храма на четырех опорах. Существенные отличия от византийских образцов немногочисленны. Во-первых, на Руси не было мраморных колонн, и их заменяют крещатыми столбами. Во-вторых, многие храмы строились как княжеские. В них делались хоры над западной частью, которая снаружи оформлялась позакомарным завершением с тремя полукружиями одинаковой высоты; такое же завершение делалось и на других фасадах. Однако в целом и композиция, и стилистика этих храмов соответствовали византийской традиции, особенно в южнорусских землях, о чем свидетельствуют такие памятники как Пирогощая церковь в Киеве (1136 г.), Борисоглебский собор в Чернигове (1120-е гг.) [44] или церковь Свв. Петра и Павла в Смоленске (1146 г.) [36, с. 53–54; 17].

Рассмотрим как пример церковь Свв. Петра и Павла в Смоленске. Это классический образец греческой крестово-купольной типологии с отдельно стоящими опорами. Храм отличается гармоничными пропорциями. Выделено центральное кубическое ядро с возвышающимся на высоком 12-гранном барабане куполом. Конструкция сводов хорошо читается в позакомарном завершении. Артикуляция фасадов лопатками отражает конструкцию храма. Центральная пара, соответствующая расстановке опор в интерьере, выделена полуколоннами. В декоре заметно стремление к большей нарядности, насыщенности деталями, в том числе не византийского, а западного происхождения, такими как аркатурные пояски, тонкие вертикальные тяги, керамические вставки с килевидным завершением. При этом не происходит существенного видоизменения византийской архитектурной формулы. Тем не менее, следует отметить стремление к вытягиванию пропорций здания

и его отдельных элементов, что заметно в смоленских памятниках уже с середины XII в. Именно эта тенденция станет определяющей впоследствии.

Следующий этап развития древнерусской архитектуры наступает во втор. пол. XII в., когда от копирования и воспроизведения византийских образцов мастера переходят к их самостоятельной творческой переработке. Технические и стилистические параметры построек в разных княжествах уже значительно отличаются и от византийских образцов, и друг от друга [35, с. 95–109, 110–129, 152–163]. При этом наблюдаются некоторые важные общие тенденции, суть которых – в серьезной трансформации крестово-купольного храма в сторону усиления экспрессии художественного образа. В это время и появляются храмы с композицией, развивающейся по вертикали за счет пирамидального или башнеобразного построения объемов. До сих пор остается дискуссионным вопрос, где именно впервые появились такие храмы. Вероятно, из сохранившихся построек наиболее ранней является Спасо-Преображенская церковь Евфросиниева монастыря в Полоцке, построенная около сер. XII в. [38].

Это небольшой одноглавый крестово-купольный храм. Его боковые нефы сужены до минимума, шесть круглых опор расставлены очень широко. Это позволяет акцентировать цельность центрального крестообразного пространства, небольшого по площади, но при этом стремительно развивающегося вверх, к высоко поднятому куполу на узком длинном барабане. Интерьер храма приобретает почти столпообразный характер. Новые формы появляются и во внешнем облике постройки. Впервые в оформлении барабана использованы декоративные кокошники, акцентирующие рукава креста и образующие пирамидальную композицию с пониженными углами.

Вероятно, подобные храмы строились в Полоцке вплоть до последней четверти XII в., однако эти постройки дошли до нас в археологической сохранности, что не позволяет детально изучить ход дальнейшего совершенствования конструкций. Тем не менее, убедительно выглядит гипотеза Н. И. Брунова, поддержанная П. А. Раппопортом и Н. Н. Ворониным, о перенесении архитектурных новаций из Полоцка в Смоленск в 90-е годы XII в. [35, с. 110–129].

Храм Архангела Михаила в Смоленске, возведенный в конце XII столетия (между 1180 и 1197 гг.) – один из первых, где для создания «башнеобразной» композиции используются новые формы и конструкции, не известные в Византии. Подпружные арки и своды рукавов креста в интерьере оказываются на разных уровнях. Фасады храма, а также постамент барабана купола получают трехлопастное завершение с пониженными углами. Вместе с притворами в нижнем ярусе эти формы обеспечивают ступенчатое построение композиции. Оно акцентируется и вытягиванием вверх самого объема храма, и удлиненными пропорциями барабана с уменьшением диаметра главы,

и декоративными элементами с обилием вертикальных линий: пучковыми пилястрами по углам и узкими тягами на апсидах.

Подобные храмы строятся и в других русских княжествах в кон. XII – перв. трети XIII в. Каждый раз будут находиться разные приемы для создания динамично развивающейся по вертикали ярусной композиции, придания экспрессивного характера интерьеру и внешнему облику храма. В церкви Св. Параскевы Пятницы в Чернигове, начала XIII в., для осуществления аналогичного композиционного решения применен еще более радикальный новаторский прием: повышенные подпружные арки, создающие ступенчатое завершение только за счет конструкции. Более дробный и разнообразный декор еще больше подчеркивает ярусность и устремленность вверх, зрительно облегчает и растворяет массы [3, с. 13; 4].

Аналогичные приемы применяются в церкви Св. Василия в Овруче времени Рюрика Ростиславовича [37], конца XII в., и в церкви Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде в 1207 г. построенной, вероятно, смоленскими мастерами [11, с. 348–353].

Для всех этих древнерусских храмов важнейшими являются следующие черты:

1. Вертикальное развитие композиции достигается через вытягивание пропорций четверика с высоко вознесенной главой.

2. Характерна отчетливая центричность и ярусность композиции. Пониженные боковые апсиды с востока и притворы с других сторон, трехлопастные завершения фасадов четверика с пониженными углами, ступенчатое повышение подпружных арок и сужение барабана купола – все это сообщает массам здания характер динамического нарастания. Ступенчатое вертикальное развитие композиции столь же ярко выражено во внутреннем пространстве. Оно делается почти столпообразным, с ярко освещенным узким и высоким покупольным квадратом.

3. Резкая вытянутость пропорций подчеркнута на фасадах применением декора, в частности – пучковых пилястр, сконцентрированных на углах вытянутого четверика.

Все это уже достаточно далеко от концепции византийского кресто-во-купольного храма с его уравновешенной системой сводов, гармонией пропорций, конструктивной логикой и соразмерностью немногочисленных декоративных элементов. В древнерусских храмах кон. XII – нач. XIII в. сохраняется лишь основа этой концепции, но радикально меняется характер художественного образа в сторону динамики и яркой экспрессии. В дальнейшем, после татаро-монгольского нашествия, в архитектуре Москвы, Новгорода и Пскова в XIV–XV вв. эти тенденции сохранятся и будут только усиливаться [10].

Обратимся теперь к сербской архитектуре, формировавшейся в совершенно других условиях. Сербское государство возникло на землях, с давних пор принадлежавших Византийской империи и бывших ее удаленными провинциями. В XI–XII вв. в Рашке возводились лишь небольшие и скромные крестово-купольные храмы, в основном – компактного типа [16, с. 18–20].

С другой стороны, в Сербском Приморье в сильно упрощенном виде продолжали существовать ранневизантийские традиции, которые в это время соединяются с влиянием романской архитектуры Италии, также в ее очень провинциальном варианте. Здесь преобладали однонефные, часто купольные, постройки, генетически восходящие к раннехристианским базиликам [16, с. 20–32].

Когда великий жупан Стефан Неманя во втор. пол. XII в. объединяет эти земли, он выбирает в качестве основы своей политики Православие и ориентацию на Византию. Эта ориентация запечатлена в первом храме, построенном по его заказу мастерами, приехавшими из Константинополя, – в церкви св. Николая в Куршумлии [49; 12]. Средний по размеру кирпичный храм принадлежит к распространенному в то время в Константинополе варианту компактного крестово-купольного типа. Купол стоит на пристенных угловых опорах и осеняет единое зальное пространство.

В дальнейшем сербская архитектура берет от византийской традиции лишь самую идею, закреплённую в типологии компактного (или однонефного) купольного храма с единым зальным пространством. Однако нюансы воплощения этой идеи существенно отличаются [16, с. 145–156].

Следующие постройки Стефана Немани возводят уже не византийские, а далматинские мастера. Церковь Св. Георгия в Расе (1171 г.) – совершенно другая по технике и стилистике. Здание имеет гораздо более вытянутые по вертикали пропорции и построено полностью из камня, что влечет за собой иную систему декора [30, с. 25–95].

Намного более крупный, сложный и роскошный храм Богородицы в Студенице, возведенный в греческой технике из плинфы и камня. Храм облицован гладко тесанным мрамором и отличается многочисленными декоративными элементами романского происхождения: перспективные порталы, накладные аркады, резные детали и т. д. Тем не менее, и здесь сохранена византийская типология однонефного крестово-купольного храма. Композиционной доминантой и внутри, и снаружи является большой купол, поднятый на значительную высоту. Именно эта базовая идея и станет основой для дальнейшего развития так называемой рашской архитектурной школы в XIII в. [5]

С нач. XIII в. чем дальше, тем больше в сербских храмах выявляется региональная специфика. Характерный пример – собор монастыря Жича [48]. Он был построен Стефаном Первовенчанным, первым официально про-

возглашенным сербским королем, при участии его младшего брата, святого Саввы Сербского, добившегося в 1219 г. автокефалии для Сербской церкви. Необходимо было найти архитектурное решение, позволяющее совместить функции монастырского храма, усыпальницы ктитора, места почитания святых покровителей сербского государства и церкви.

Это одноглавый храм компактного крестово-купольного типа. Однако к византийскому ядру добавляется обширная западная часть с ктиторскими захоронениями и приделами, предназначенными для поминания ктиторов и служб сербским святым. В результате исходная византийская типология сильно изменяется: храм превращается в обширный комплекс с развитой западной частью, протяженный по оси запад-восток. Кроме планировочной структуры, обусловленной функциональными потребностями, региональная специфика рашской школы затрагивает и художественные аспекты. Акцентируется вертикальное развитие композиции с резким выделением центрального купольного ядра по сравнению с пониженными восточными, западными и боковыми компартиментом.

Как и в древнерусской архитектуре, но явно независимо от нее, разрабатываются новые, нетипичные для Византии конструктивные приемы, такие как система ступенчато повышающихся сводов с повышенными подпружными арками. В качестве наиболее характерных примеров можно привести церковь Вознесения в Милешево (ок. 1228–1236 гг.) [13] или церковь Св. Ахиллия в Арилье (1296 г.) [46].

При общности логики архитектурных процессов в интерпретации византийских образцов древнерусскими и сербскими зодчими заметны существенные различия в конкретных способах воплощения этих новых идей. Сербские храмы XII–XIII вв. принадлежат к компактному крестово-купольному типу, в котором нет свободно стоящих опор и, следовательно, нет северного и южного рукавов креста. Это исключает возможность создания динамичной ярусной композиции за счет понижения угловых компартиментов и трехлопастного завершения, как в древнерусских храмах. В таких условиях вертикальная ориентация обеспечивается высоким подъемом купола. Он опирается на сильно вытянутые пристенные лопатки и подпружные арки, максимально высоко возносящие главу храма.

Ярусная ступенчатая композиция создается иначе, за счет понижения уровня алтарных частей, нартекса и боковых притворов-певниц. Декор в рашской традиции минимален, важнейшие художественные задачи решаются с помощью композиционных приемов. Храм оказывается вытянут и по оси запад-восток, и по вертикали, причем его центральная часть трансформируется в столпообразное пространство, сжатое опорными лопатками и получающее экспрессивное развитие снизу вверх. Это, несомненно, уже

выходит за рамки византийской модели, которая оказалась измененной практически до неузнаваемости.

Как мы могли убедиться, появление в древнерусской и сербской архитектуре храмов с вертикальным развитием композиции невозможно объяснить ни наличием общих византийских образцов, ни влиянием одной традиции на другую. Заимствования элементов западноевропейской архитектуры в обоих случаях не были решающими для возникновения и закрепления такого композиционного решения. В обоих случаях оно появилось в результате интерпретации одной из разновидностей византийского крестово-купольного храма. В каждом случае были свои причины для выбора и распространения именно такой типологии, и была своя внутренняя логика развития в пределах избранных вариантов.

Параллелизм в появлении и развитии «башнеобразных» композиций в древнерусской и сербской архитектуре, на наш взгляд, объясняется сходством в интерпретации византийских образцов. В обеих традициях основой композиции храмов является византийский крестово-купольный тип. В нем сохраняется центричность и иерархичность композиции, имеющая принципиально важное символическое значение. При этом выявляются и акцентируются все те черты, которые могут придать наиболее яркую и острую выразительность внешнему облику храма, прежде всего – высотность постройки и динамичность развития композиции. Это становится более важно, чем тонкая гармония и уравновешенность объемов во внутреннем пространстве, определявшая характер византийского архитектурного образа и унаследованная от античной архитектуры. Отсутствие этой традиции на русской и сербской почве и было, на наш взгляд, решающим фактором, обусловившим общее направление поисков на пути создания собственных интерпретаций исходной византийской идеи.

Литература

1. Альтшуллер Б.Л. Новые исследования о Никольской церкви села Каменского // Архитектурное наследство. М., 1972. Вып. 20. С. 17–25.
2. Асеев Ю.С. Архитектура южной и западной Руси в XII–XIII вв. // Всеобщая история архитектуры. Л.; М., 1967. Т. 3. С. 562–597.
3. Барановский П.Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники архитектуры, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.; Л., 1948. С. 13–34.
4. Барановский П.Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Петр Барановский: Труды, воспоминания современников. М., 1996. С. 55–58.

5. Бошковић Ђ. Студеница. Осврт на њену генезу и њене корене // Студеница и византијска уметност око 1200. године: Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ. Септембар 1986. Београд: Српска академија наука и уметности, 1988. С. 130–132.
6. Брунов Н.И. К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян // Архитектурное наследство. М., 1952. Вып. 2. С. 3–42.
7. Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М.: Наука, 1964. 183 с.
8. Вагнер Г.К. Спасо-Андроников монастырь // Спасо-Андроников монастырь. М., 1972. С. 9–32.
9. Воронин Н.Н. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII–XIII вв. // Слово о полку Игореве / АН СССР; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 320–351.
10. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. II. 558 с.
11. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. 413 с.
12. Вуловић Б. Црква светог Николе код Куршумлије // Зборник Архитектонског факултета 3. Београд, 1957. С. 3–21.
13. Ђорђевић И. Милешева и Студеница // Милешева у историји српског народа. Међународни научни скуп поводом седам и по векова постојања (Јуни 1985). Београд: Српска академија наука и уметности, 1987. С. 69–80.
14. Елшин Д.Д. Архитектурный тип Десятинной церкви в Киеве: историография проблемы // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв. Труды Государственного Эрмитажа. Материалы международного семинара 17–19 ноября 2009 г. СПб., 2010. С. 349–360.
15. Елшин Д.Д. Меандр в кирпичном декоре древнерусских храмов // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. СПб.: НП-Принт, 2015. Вып. 5. С. 304–312.
16. Између Византије и Запада: одабране студије о архитектури. Београд: Просвета, 1987. 333 с.
17. Иоаннисян О.М. История русского искусства 20–60-х годов XII века. Москва: Государственный институт искусствознания, 2012. Т. 2/1. С. 126–134.
18. История Русского искусства. Т. 1. Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века. М.: Северный паломник, 2007. С. 112–177.
19. Кацнельсон Р.А. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии // Византийский временник. 1957. Т. 12. С. 242–262.

20. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М.: Наука, 1987. 320 с.
21. Комеч А.И. Спасо-Преображенский собор в Чернигове (К характеристике начального периода развития древнерусской архитектуры) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.: Наука, 1975. С. 9–26.
22. Кораћ В. Поглед на структуру простора и спољне облике старе руске архитектуре // ΣΟΦΙΑ: Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. М.: Северный паломник, 2006. С. 243–248.
23. Лалић Р. О узајамним везама између старе српске и руске књижевности: За књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1968. Књ. XXXIV / 3–4. С. 179–202.
24. Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублёва и Епифания Премудрого. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 172 с.
25. Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960. С. 95–151.
26. Максимов П.Н. Московская архитектура XIV – первой половины XV в.: Всеобщая история архитектуры. М., 1968. Т. 6. С. 34–42.
27. Максимовић Љ. Византијски свет и срби. Београд: историјски институт, 2008. 535 с.
28. Мальцева С.В. Церковь Успения Богородицы монастыря Студеница. Византийские истоки и становление сербских региональных традиций // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. Т. LIII. С. 282–299.
29. Некрасов А.И. Древнерусское изобразительное искусство. М.: Изогиз, 1937. 395 с.
30. Нешковић Ј. Ђурдђеви Ступови у старом Расу. Постанак архитектуре цркве Св. Ђорђа и стварање рашког типа споменика у архитектури средњовековне Србије. Краљево: Завод за заштиту споменика културе Краљево, 1984. 253 с.
31. Огнев Б.А. Некоторые проблемы раннемосковского зодчества // Архитектурное наследство. М., 1960. Вып. 12. С. 45–62.
32. Остерхаут Р. Византийские строители. Киев, М.,: Корвин пресс, 2005. 332 с.
33. Радојчић С. Везе између српске и руске уметности у средњем веку: Збраник филозофског факултета. Београд, 1948. Бр.1. С. 241–258.
34. Раппопорт П.А. Архитектура Средневековой Руси: Избранные статьи. СПб.: Лики России, 2013. 324 с.

35. Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат СПб отделение, 1993. 287 с.
36. Раппопорт П.А. О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник. 1984. Вып. 45. С. 185–191.
37. Раппопорт П.А. Церковь Василия в Овруче // Советская археология. 1972. № 1. С. 82–97.
38. Сарабьянов В.Д. Спасская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке. Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь, 2016. 513 с.
39. Седов Вл. В. Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства. М., 2009. С. 29–54.
40. Седов Вл.В. Архитектура Рашки: групповой «портрет» дальних «родственников». К феноменологии внутреннего пространства византийских храмов // Искусствознание. 1-2/07. М., 2007. С. 213–227.
41. Седов Вл.В. Архитектурный портрет древнерусского Чернигова // Искусствознание. 2/06. М., 2006. С. 5–19.
42. Седов Вл.В. Килисе Джами: Столичная архитектура Византии. М.: Индрик, 2008. 336 с.
43. Тихомиров М.Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.: Славянский сборник. М., 1947. С. 177–180.
44. Холостенко Н.В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // Советская археология. 1967. № 2. С. 188–210.
45. Холостенко Н.В. София Киевская и формирование киевской архитектурно-строительной школы // София Киевская. Киев, 1973. С. 20–26.
46. Чанак-Медић М. Свети Ахилије у Ариљу. Београд: Полиграф, 2002. 356 с.
47. Чанак-Медић М., Кандић О. Архитектура прве половине XIII века I: Цркве у Рашкој. Споменици српске архитектуре средњег века. Београд: Республички завод за заштиту споменика културе, 1995. 225 с.
48. Чанак-Медић М., Поповић Д, Војводић Д. Манастир Жича. Београд: Публикум, 2014. 578 с.
49. Шупут М. Цариградски извори архитектуре цркве Св. Николе у Куршумлији // Стефан Немања — Свети Симеон Мироточиви. Историја и предање: међународни научни скуп септембар 1996. Београд: Српска академија наука и уметности, 2000. С. 171–178.
50. Ćurčić S. Architecture in the Balkans. From Diocletian to Suleyman the Magnificent. London; New Haven: Yale University Press, 2010. 914 p.
51. Mango C. Byzantine Architecture. New York: Abrams, 1976. 383 p.

52. Ousterhout R.G. Eastern Medieval Architecture. The Building Traditions of Byzantium and Neighboring Lands. New York, Oxford University Press, 2019. 810 p.

53. Vocotopoulos P.L. The Role of Constantinopolitan Architecture during the Middle and the Late Byzantine Period // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1981. Bd. 31/2. S. 551–573.

ANNA V. ZAKHAROVA; SVETLANA V. MALTSEVA.

**COMPOSITIONS WITH VERTICAL DEVELOPMENT
IN THE ARCHITECTURE OF OLD RUS AND SERBIA
IN THE 12TH-13TH CENTURIES**

Keywords: *Old Russian architecture, Serbian medieval architecture, Byzantine architecture, Balkan art.*

The paper analyzes some parallel processes in medieval architecture of Old Rus and Serbia. The both Slavic architectures had common sources in Byzantium and interpreted the basic Byzantine church type in a similar way. Compositions with vertical development first appeared in Old Rus in the second half of the 12th century. The church of Transfiguration of St Euphrosyne's Monastery in Polotsk and the church of Archangel Michael in Smolensk are among the finest surviving examples. In Serbia similar compositions emerged independently in the 13th century. The authors show similarities and differences between these two Slavic traditions and try to explain the nature of this phenomenon.